

Раневская, Анджапаридзе, Мордюкова вошли в десятку выдающихся актрис XX века

Нонна Викторовна Мордюкова.... Далее любые слова и определения теряют смысл, они тускнеют и блекнут рядом с ее уникальным талантом, рядом с тем чувством, которое каждый наш зритель уже давно испытывает к этой актрисе без всякого желанья что-либо анализировать, сравнивать, взвешивать. Каждый из нас уже давно нашел среди ее бесчисленных ролей свои любимые, заветные и не нашел нелюбимых, неинтересных. А сколько их было, этих фильмов — от «Молодой гвардии» до «Женитьбы Бальзаминова», от «Комиссара» до «Родни»!

На недавнем кинофестивале «Созвездие-92» состоялась пресс-конференция с актрисой. Событие радостное и редкое — Мордюкова не любит интервью. И прежде чем познакомить вас с материалами этой пресс-конференции, хотелось бы напомнить, что год назад была открыта новая звезда и автор этого открытия назвала ее «Нонна Мордюкова. Народная артистка». А еще недавно редсовет лондонской энциклопедии «Кто есть кто» определил десять самых выдающихся актрис XX столетия, в эту десятку вошли три отечественные актрисы — Фаина Раневская, Верико Анджапаридзе и Нонна Мордюкова...

— Нонна Викторовна, у вас давно не было роли равновеликой вашей роли в фильме «Родня». Есть эпизод в фильме Павла Лунгина «Луна-парк», но лишь эпизод. Сегодняшнее ли кино потеряло к вам интерес или вы к нему?

— Винить прожитую жизнь не хотелось бы. Но, к сожалению, я не полюбила в молодости ни будущего режиссера, ни будущего сценариста, не создала семьи с человеком-художником, который бы мог мной вдохновляться долго-долго, как у некоторых, не очень многих актрис... Например, все знают такую пару, как режиссер Глеб Панфилов и актриса Инна Чурикова. Чурикова для меня — богиня, я просто не знаю равной такой актрисе. Поддерживать надо такой альянс, когда муж может все ее грани раскрыть, талантливо раскрыть преталантливую актрису... У меня были большие временные провалы, паузы. Я очень горячо их воспринимала, даже трагически. Мне казалось, что, как сняли меня в роли Ульяны Громовой в «Молодой гвардии», так оно и должно идти — как солнце всходит и заходит. Это и есть тот самый язык с жизнью, который должен быть, раз я пришла в искусство кино. Оказалось совсем не так. Первые четыре года после «Молодой гвардии» были просто из-за того, что мы, как в яблоко, попали в эти роли и внешне, и внутренне. Я ведь пережила оккупацию, у нас тоже была своя «Молодая гвардия». Я, правда, школьницей была, но комсомольцы много сделали. И мы, школьники, понимали — раз пришел чужой «дядька», надо ему вредить. Я это испытала на себе, страшно все это было повидать. В «Молодой гвардии» мы снимались еще студентами — это была практика. И самим нам казалось, что мы и есть самые честные —

такие пылкие «ударники труда», у нас у всех пятерки были по актерскому мастерству, старались на съемках, в Краснодаре четыре месяца прожили. Но после выхода фильма ни один режиссер нас снимать не брал. Бывало, вызовут меня на пробы, а потом говорят: «Опять Ульяна Громова будет ходить по экрану»... Один из нас — Иванов, сыгравший Олега Кошевого, до такой степени был невостребован, что больше никогда не был приглашен на картину... Я переживала, на трибуне Дома кино рыдала... Ну, потом меня взяли на украинской студии в фильм «Калиновая ро-

— Там считается престижным признавать талант. Если ты признаешь талант, это и тебя орошает достоинством, это и тебе повышает очки. У нас все поставлено так, чтобы таланты не признавать. Для меня позвонить и предложить себя какому-то режиссеру все равно что позвонить какому-то мужчине и предложить себя как женщину. Я не представляю себе белого танца в кинематографе, он у меня идет рядом с любовью. Мне все кажется, «я есмь», я витаю в высоких материях. Надеюсь, вот кто-то не будет спать, полюбит мое трудолюбие, мою преданность кино, будет крутить

Да и просто у меня были относительные. У нас большая концертная деятельность. Я была пылкой общественницей, выступала и в воинских частях, и на грузовиках на целине...

— А как вы отнеслись к тому, что попали в десятку великих актрис века?

— Когда мне позвонил кто-то посторонний и сказал, что я вхожу в десятку лучших актрис, подумала, что просто кто-то «мелет», что надо где-то на фабрике выступить и вежливо так сказала: «Спасибо, спасибо» и трубку повесила. Потом еще где-то, как зарница, это пролетело. А потом журналист молодой из газеты «Аргументы и факты» пришел в Олимпийский бассейн, где я плаваю, и все мне объяснил. Я стала прикидывать в уме «окно в Европу». Ну, если «окно в Европу», то «Комиссара» они могли видеть и «Родню». Но теперь я знаю, что они лет пятнадцать человека «падут» до того, как принять решение. Выясняют, пишет ли он, поет ли он, нормальный или с «приветом», какие у него роли, какие эпизоды, все учитывается.

— Вы играли женщин трудной судьбы, надорванных работой, сегодня кино ни этими проблемами, ни этими героями не занимается. Видите ли вы для себя какие-то роли?

— Хватит ли у меня слов, чтобы это объяснить. Мы были та прослойка в кино, которую не интересовали афиша, деньги, что будет дальше после фильма, мы в процессе создания фильма находились в благодушном, сладостном каком-то пространстве. Когда Григорий Наумович Чухрай стал пробовать на картину «Трагедия» б1 актрису, то, хотя мы и дружили, я его обходила стороной, только бы он не подумал, что специально стараюсь попасться ему на глаза. Так мы были воспитаны. И я в пятый-шестой раз шла на кинопробы, рыдала, но шла и шла, потом была утверждена и ее сыграла. А как я рыдала, что не была в фильме «Тихий Дон»? Мне казалось, что я в искусстве для того, чтобы быть «Тихим Доном», чтобы быть кем угодно — помощником режиссера или дедом, или самим Григорием Мелеховым, кем угодно. «Тихий Дон» — это я. Было обидно, что сам писатель, сам режиссер не понимали, кого они потеряли в моем лице. Для меня это не репетиция, не роль, это служение закоулочка: материала, его аромату. Поэтому так наняться на работу, как копать колодец или чинить забор, наняться за деньги сыграть содержательницу притона, нет. Раскритиковать, отдать свою голову, свою фантазию — ни за какие суммы. Лучше я возьму коробку с пленкой и полечу на Камчатку или в Армавир и прекрасно подработаю себе на жизнь-бытьё. И все же у меня переходный возраст. Надо переходить на бабу с клюшкой, а не хочется. Мы решили с Виктором Мережко, раз Бог любит троицу, он должен еще написать для меня сценарий. Два он написал — «Трагедия» и «Родня», теперь должен третий. Недавно едем с какого-то вечера, он впереди за рулем машины, я сзади. Он говорит: «У меня работа хорошо идет...» Я говорю: «Напиши там, если не любовь, ну увлечение какое-нибудь прикрути в сценарий». Он: «Ты хочешь сказать, что в нее

влюблены или она?» Я: «Ну, что-нибудь «типа» любовь». А он: «Но только последняя... (Смеется). После этого у него сценарий «не пошел». Я придумала одно определение и им очень горжусь: «Искусство — это торжество пола». Честно, не знаю, как повернется моя работа, я не хочу сниматься в фильмах, не хочу прятать натруженные, в жилах руки. Один раз, не знаю, что нашло — решила в паспорте возраст исправить... Такая цифра вышла! (Смеется). Пришлось штраф заплатить — стирала, дырка образовалась...

— А в театре вы себя не хотели бы попробовать?

— Сейчас не хочу, надо было раньше. Когда-то Олег Ефремов звал меня в МХАТ, но пьеса была плохая. Другая умная бы пошла. Надо было скромненько сыграть рольку, а потом на меня бы, скажем, «Марию Стюарт» поставили.

— Год назад вышла ваша повесть, вы продолжаете писать?

— Да. Я этим занимаюсь. Материала много. Журнал «Октябрь» хочет вторую «порцию» опубликовать. Но если они думают, что она будет с преломлением на сегодняшний день, то ошибаются. Я ведь в Москву, в институт приехала поступать с повестью. Я писала всегда, не для того, чтобы стать писателем. Я вот Лидии Федосеевой-Шукшиной рассказывала, что Васе Шукшину симпатизировала, мы все его любили. Один раз он говорит: «Я хочу писать «Степана Разина». Думаю: «И он туда же лезет, писать!» Я так и охладела к нему (Смеется). Мне казалось, что это порок человеческий, что писать могут только боги, только те, кто предназначен... Но в жизни столько видишь, столько уникального попадает, надо вытяжку из этого делать...

— Если бы был написан гениальный сценарий только с женскими ролями, с кем бы из актрис вы захотели сниматься?

— С Ниной Руслановой, с Лидией Федосеевой-Шукшиной (она такая аппетитная, умная, живая, живописная русская женщина), с Инной Чуриковой, Людмилой Зайцевой...

— Не хотели бы вы преподавать актерское мастерство?

— Мне предлагали и в ГИТИСе, и во ВГИКе, и в другом городе, но я не соглашаюсь и не соглашусь. Я очень необщительный человек. У меня не хватит хитрости, не хватит терпения ждать, пока какая-нибудь девочка станет талантливой, перестанет быть запуганной, закованной. У меня такой характер: я или буду ей платя шить, буду кормить ее, квартировать или на следующий день выгоню. Нет у меня педагогической жилки. И чему я их могу хорошему научить? Сказала же, что замуж вышла неправильно. (Смеется). А профессия наша, по-моему, частично неуловимая, в ней много по наитию. Иногда из студии выходишь — горит дежурная лампочка, какая-то разбитая посуда, надкусанные яблоки — и думаешь, знал бы кто, что тут творилось, как все было алогично, как все непонятно, и как все мокрые и довольные ушли, потому что есть два хороших дубля...

Людмила ФОМИНА
и Петр КУЗЬМЕНКО

— Почему я говорю о Чуриковой с Панфиловым. Вот взял меня Никита Михалков в фильм «Родня», он полюбил меня (конечно, с профессиональной точки зрения), впился в меня, выпил всю кровь, но одну грань использовал, и до свидания... А на верное, была бы я молодая и была бы его женой, он во мне еще что-то, кроме колхозной тетки, нашел. Конечно, надо, чтобы кто-то вдохновлен был тобой. Сейчас Павел Лунгин ни с того, ни с сего взял меня в «Луна-парк», на эпизодическую роликку, я подходила на эту роль — такая убежденная коммунистка. Чтобы согреть роль, потому что я не люблю этих из парткабинетов, чтобы оживить ее как-то, я сделала из нее полукуру... Паша был влюблен в меня, написал автограф: «Мы с тобой одной крови», мы весело работали. Я же не могу ему теперь сказать: «Паша, что ж ты любил меня (смеется), мы одной крови, мы так подружились, так давай снимай дальше...» Конечно, навязываться я не могу. Мы же инструменты. А мастерскому — ему под правую руку нужен то молоток, то пассатижи, то гвоздик...

— На западных звезд делают ставку, для них нанимают режиссеров, заказывают сценарий...

этом кубик-рубик искусства. Я вам маленькую тайну открою. Когда мне дают сценарий и приглашают на кинопробы, я не читаю сценарий подробно, я его просматриваю. Конечно, я готовлюсь к кинопробам, но оставляю что-то на потом. Когда меня утвердят, когда я буду точно знать, что играю эту роль, мне надо оторваться от земли в «надземлю». Тогда я начинаю смаковать, обогащать своими личными жизненными впечатлениями, обогащать той самой «литературой в клочках», которую я беру из своих каких-то мешков и чувалов. Я всегда ее брала и пользовалась ею. Поэтому, когда я говорю о любви режиссера к актрисе, не понимаю меня буквально, а то примете за городскую сумасшедшую. Я говорю не о романтическом варианте. Любовь в процессе работы — она особая. Помню, как Георгий Рощаль, когда нуждался во мне, чтобы я с Руфиной Нифонтовой у него снялась, прислал режиссеру Льву Кулиджанову, у которого я тогда снималась, телеграмму: «Срочно высылайте Мордюкову. Волга перекрыта. Полк ждет». (Смеется). Когда хотят, найдут под землей, а когда не нужен, ну хоть убейся. Виноватых за мой простор нет.

113